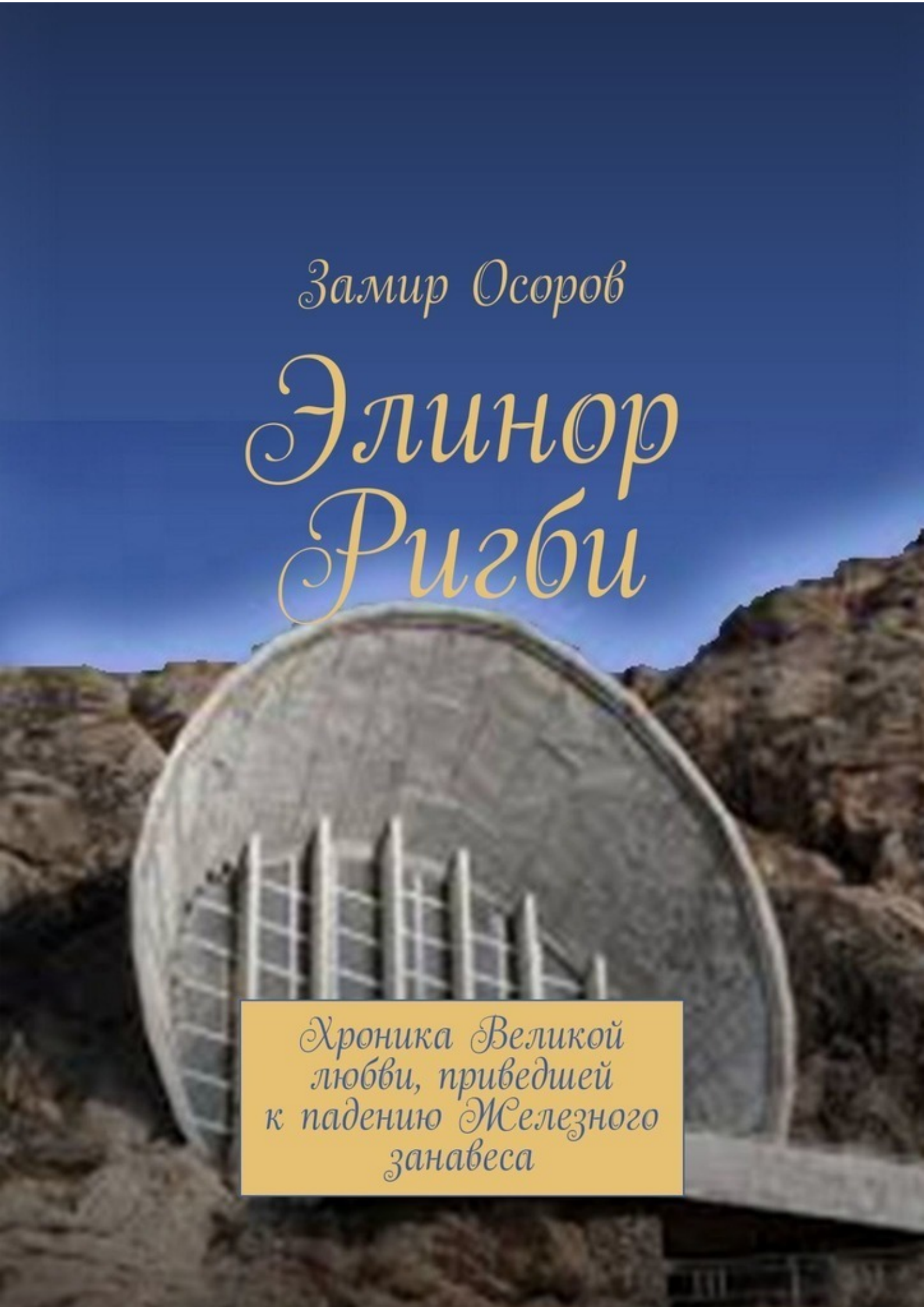

Замир Осоров

Элинор Ригби

Хроника Великой любви, приведшей к падению Железного занавеса

Замир Осоров

Элинор Ригби. Хроника Великой любви, приведшей к падению Железного занавеса

«Издательские решения»

Осоров З.

Элинор Ригби. Хроника Великой любви, приведшей к падению Железного занавеса / З. Осоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641274-3

Эта повесть написана в 1986 году. Первое ее издание напечатано на русском и кыргызском языках в 1992 году.Романтическая история о том, как два любящих сердца, разделенные огромными расстояниями и непреодолимыми преградами, все же в конце концов обретают друг друга, благодаря своим телепатическим снам, откровениям и огромному желанию преодолеть все препятствия, неизбежно возникающие на пути большой любви.

ISBN 978-5-00-641274-3

© Осоров З.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 6
Морская раковина и Заря 11
Широкоформатный сигнал 15
Антидарвинизм любви 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Элинор Ригби
Хроника Великой любви, приведшей к падению Железного занавеса

Замир Осоров

© Замир Осоров, 2024

ISBN 978-5-0064-1274-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Весь мир готов я обойти, чтобы найти кого-то…
Р. Бернс.

I

…А все началось с того, что мы однажды и, по-видимому, уже навсегда увлеклись телепатией. О существовании этого феномена люди догадывались с незапамятных времен, но до пор наука не знает точного ответа на физическую природу этого феномена. Известно только, что в какие-то критические моменты жизни, в минуты сильных душевных волнений и потрясений, люди начинают понимать друг друга, даже если между ними пролегают «непроходимые горы и леса», «бескрайние морские просторы», – одним словом, на большом расстоянии. Типичным в этом отношении является случай с матросом, который в штормовую ночь выпал за борт корабля, и, находясь в студёной бурлящей воде в отчаянном и безвыходном положении, за мгновение до своей смерти, передал трагическую информацию о себе сыну, который в этот момент, как выяснилось доподлинно точно чуть позже, находясь за три тысячи километров от своего отца, в одном из домов рыбацкого поселка на берегу моря, проснулся среди ночи с громким плачем: «Мой папа тонет!», «Мой папа тонет!», «Помогите же ему скорей!» – он, захлебываясь, рассказывал подоспевшей матери, что видел необыкновенно ясно во сне, как его отец упал за борт и очутился в ледяной воде. Не пройдет и двух недель, как все подтвердится: со злополучного рыбацкого судна достигнет весть о гибели отца мальчика.

Широко известен и случай, имевший место в жизни Михайло Ломоносова. Его отец, архангельский рыбак, умирая на одном из островов Белого моря, «передал» своему сыну, учившемуся тогда в Германии, не только весть о своей кончине, но и «указал» место, где это произошло. И тоже через сновидение последнего. Когда сотоварищи отца – купцы, прибывшие в Германию, сообщили сыну, что отец его погиб на одном из островов и что тело его не удалось обнаружить, Ломоносов назвал остров, где впоследствии было найдено тело несчастного и благополучно предано земле.

И наконец, совсем уже «бытовой пример, – и, наверное, самый распространенный, – когда некая девушка, работавшая за станком на заводе, вдруг, ни с того ни с сего, почувствовала угнетение духа, беспросветное, бездонное отчаяние. Ничего подобного с ней в прошлом не случалось. Она, мучимая сильной головной болью, отпрашивается с работы, возвращается к себе домой, где и обнаруживается, что ее мать скоропостижно скончалась от внезапного сердечного приступа.

И подобные примеры можно приводить и приводить, убедительно свидетельствующие о реальности этого загадочного явления, и жаль, что на всем этом лежит такая трагическая и мрачная тень, что телепатия имеет место только в таких вот душераздирающих, исключительных случаях, связанных с гибелью одной из сторон, что в обычной жизни, когда нам хорошо и спокойно, – ничем не проявляет себя.

Но не проявляет себя, это не означает, что она не существует: мы не замечаем ее, не знаем о ней ничего, вот и все.

Возможно, когда-нибудь в будущем надо полагать не очень отдаленном, механизм этой уникальной биологической связи будет основательно изучен, усовершенствован и развит, и тогда у человечества навсегда отпадет надобность обращения к чисто техническим средствам связи. Произойдет подлинная революция в нашей жизни; вы только представьте, что станет со всеми нами, если вдруг в один день все начнут понимать всех. В любое время дня и ночи вы сможете позвонить «по этому телефону» любому человеку на Земле. Без всяких передатчиков и приемников и коммутаторов, без пунктов междугородной и международной телефонной

связи и уж, конечно, без телефонисток и телеграфисток как с этой, так с той стороны, – напрямую! Мне кажется, только тогда мы станем по-настоящему цивилизованными и разумными существами: душа каждого человека как бы будет постоянно распахнута внешнему миру; все сокровенные мысли и чувства станут понятны и доступны всем,

так что поневоле избавишься от многих своих не очень хороших мыслей, планов и устремлений. Да мы просто при такой постановке вопроса все превратимся в ангелов, не иначе!

Естественно, сразу же возникнет множество проблем: как избавиться от нежелательных звонков, как настраиваться на нужных тебе людей, как обезопасить себя от телепатов-воров, грабителей квартир, гангстеров и так далее? И в этом нет ничего удивительного ведь любое великое открытие можно с одинаковым успехом использовать во благо и во зло человеку. И сложности, поджидающие нас, на этом пути, огромные; однако, все они вполне разрешимые, ведь гласность-то будет всеобщей и абсолютной.

Допустим, кто-то не захочет с вами разговаривать, выслушивать ваши жалобы – ну, например, ваш непосредственный начальник, – положит трубку, и все, и ничего вам вроде бы не добиться на этом свете со своей правдою, но ведь в этот самый момент, когда разъединится ваша линия с вашим начальником, тут же могут подключиться другие люди, сочувствующие вам и понимающие вас, они не только выслушают вас до конца, но и смогут дать ценный совет, а в случае чего могут позвонить и самому вашему начальству, чтоб загладить ситуацию. Вы понимаете, какой это будет ценный звонок, которого так часто в жизни нам не хватает?!

Люди, которые слышат вас, успокоят вас, все рассудив здраво, найдут выход из любой конфликтной ситуации без кровопролития. При такой постановке вопроса и сами мы станем «шелковыми», и всякой нечисти, мешающей жить честному люду, – бюрократии, мафии, прогнившим насквозь верхушкам, – придет конец; никому на свете не будет выгодно жить нечестно: самые глубокие и темные воды, закоулки и закутки будут освещены ярчайшим светом. Но если и при этом какой-то сумасшедший рискнет совершить что-нибудь темное и нехорошее, то тут же, сотни и тысячи отважных телепатов-холмсов и телепатов-каттаний бросятся, сломя голову, за бандитом.

Человечество в какой-то степени уподобится некоторым гигантским китообразным, могущим вести разговоры друг с другом на расстоянии сотен и тысяч километров, благодаря глубоководным каналам связи в океане. В прошлые века, когда еще не были изобретены пароходы, танкеры, подлодки, авианосцы и прочая сверхмощная морская техника, качество этой подводной связи было великолепным, и кашалоты жили одним всепланетным стадом, непрерывно переговариваясь друг с другом, даже если бы находились на двух противоположных концах Земного шара. Представьте себе этого гиганта, который напевает песню своему собрату – а возможно и любимой, – на расстоянии 10 с лишним тысяч километров!

Быть может и близящийся конец света можно предотвратить лишь на этом пути – на пути скорейшего установления всеобщей связи между всеми людьми, живущими на Земле.

В один день произойдет это, и прекрасный мир раскроется перед на как на ладони; будто в магическом кристалле, мы увидим его целиком с его бесконечными просторами, голубыми океанами, с сотнями стран и великим множеством уютных, чистых городов и сел, разбросанных на этих континентах; и тогда быть может, в одном из этих городов, среди прохожих какой-нибудь укромной тенистой улицы, а может у распахнутого в сад окна, – я увижу тебя, моя незнакомка, живущая далеко-далеко от меня, которая, возможно, сейчас в эту самую минуту, *когда мое сердце испускает особенно мощный импульс любви, видит меня, и не верит тому, что видит; точно также, как и я не верю в то, что ты существуешь на самом деле, хотя прозреваю тебя на крыльях своей мечты, в предрассветных удивительных снах, – неуловимых, искрометных и непостижимых…*

У каждого человека в этом мире есть единственная и незаменимая никем и ничем любовь, ссуженная ему самим небом, но только единицам из тысяч удается встретиться с мечтой, потому как препятствия, отделяющие людей друг от друга, безмерно велики, и жизнь наша, в сущности, сплошное блуждание во тьме. Ну кто из нас, скажите, может похвалиться тем, что счастлив на все сто процентов? Даже если вам и встретится такой человек, – знайте же, что он все преувеличивает, – не столько счастлив, сколько хочет быть таковым, а может просто от доброго сердца жалеет вас, желая вам обрести то, что вы ищете.

Что и говорить, телепатия обещает оказать нам в будущем огромную услугу, все и вся расставить по местам, и я начинаю верить, что это действительно наш последний шанс, что это спасение нашего мира от погибели, отчуждения и глухоты. Переворот, совершенный этим универсальным средством связи, будет куда более глобальным и впечатляющим, чем освоение телевидения или даже всеобщая компьютеризация, – ведь мы будем тогда не только слышать друг друга, но и видеть глазами, чувствовать чувствами, думать мыслями друг друга, в то же время, не теряя самого себя в океане этой «живой» информации. Мы как бы обретем самые совершеннейшие приборы дальнего и ближнего видения и слышания, станем все сразу во много крат умнее и понятливее. Все самое ценное в мире войдет в дом к каждому, станет неотъемлемым его достоянием.

II

Еще не осознав, как следует всех этих захватывающих перспектив, мы тем не менее увлеклись телепатией, тем самым как бы невольно, сами не понимая того, служа великому делу преобразования этого мира. Короче говоря, мы приступили к проведению телепатических экспериментов. Один из простейших опытов был таковым: заперевшись в комнате, мы садились поодаль друг от друга. Керим располагался поудобнее на одном конце дивана, склоняясь над листочком чистой бумаги, а я на другом конце, держа в руках клочок бумаги с каким-нибудь наспех нарисованным детским рисунком: домик там, солнце, месяц, звезда или что-то еще в этом роде, сотворенное наспех, – иногда эти рисунки мы обводили тушью для более лучшей «запечатлеваемости» их в сетчатках наших глаз. По условному знаку я начинал пристально вглядываться в один из этих рисунков, – а Керим в это время, стараясь ни о чем не думать, начинал машинально водить карандашом по листу бумаги, рисуя первое попавшее, что взбредёт ему голову. Я располагался так, чтобы мой партнер по телепатическому контакту ни в коем случае не мог подглядеть, что за рисунок я держу в своих руках – короче, я был «передающей станцией», а Керим – «принимающей». Я внушал ему нарисовать тот рисунок, который был перед моими глазами. Затем после «вскрытия карт» и подведения первых итогов, мы менялись ролями: принимал сигналы я, а мой товарищ, напряженно вглядываясь в какую-нибудь закорюку, пытался внушить ее мне на расстоянии. Подобные опыты в юности или даже в подростковом возрасте, вероятно, проводили и вы со своими друзьями, что там ни говори, а телепатия кружила и кружит многие головы, особенно в том возрасте, когда восприимчивость к ее романтической струнке бывает наиболее сильной, когда молодого человека буквально трясет от ее многообещающих тайн. Результаты этих опытов, в большинстве своем, вызывали лишь смех, иначе и быть не могло, и тем не менее изредка нам все же удавалось более или менее точно попадать в цель.

Я, например, до сих пор помню, как «посылал» однажды Кериму схематичный рисунок гриба, – а он, представьте себе, нарисовал что-то вроде сапога. Если перевернуть рисунок, очень даже напоминает мой гриб, схожести и повторения отдельных линий и штрихов были столь очевидными для нас, что мы, глубоко потрясенные этим, еще надолго обрекли себя на добровольное заточение. В том, что гриб трансформировался в сапог нет ничего удивительного, ведь это вообще адски трудное и безнадежное дело: пытаться угадать то, что держит в своей голове другой человек, тем более, что подчас последний и сам не знает, что у него есть

в голове, а чего нет там – в каждую конкретную минуту; и вообще, сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли или рисунке попробуйте сами, бывает очень трудно.

Если вы попросите четырехлетнего малыша нарисовать гриб, он скорее всего тоже, после получасового пыхтения с карандашом, покажет вам что-то вроде сапога; точно также и мы в своих экспериментах делали самые первые робкие шажки, уподобляясь детям ясельного возраста. Так начались наши блуждания во тьме без провожатого, хотя каждый человек, при надлежащем упорстве с его стороны, может достичь самых поразительных результатов, развить необыкновенные способности своей души, все же, на практике, этого удается достичь лишь очень немногим. Подчас чем больше прилагаешь усилий, чем ничтожнее, безнадежнее бывают результаты; это, как мираж в пустыне, идешь к нему и идешь, а видение все дальше, и дальше отодвигается прочь, пока вовсе не скроется с глаз. Но вот ты изверился вконец, потерял всякую надежду, махнул рукой на все, чтобы к этому никогда не возвращаться, и вот тут, представь, мираж появляется снова; если ты и дальше продолжаешь отмахиваться от него, – он подступает все ближе и ближе к тебе, подходит наконец вплотную, заглядывает в твои глаза, дает в твои руки самые убедительнейшие аргументы в пользу существования той высочайшей реальности, которая, подчас, превосходит все сказочные и фантастические измышления человека.

В критические минуты жизни в заповедных глубинах нашего сердца, души, мозга – как бы открываются некие сокровенные каналы, обладающие сверхпроводящей способностью, по которым до нас долетают близкие и далекие сигналы, – и мы без слов, на расстоянии, начинаем понимать друг друга, как сын внезапно постигает своих родителей или тот, кто любит —объект своей страсти. Иногда в такие минуты мы начинаем понимать и людей, совершенно чужих нам, они тоже, как бы вклиниваются в нашу сверхпроводящую связь, дают знать, что по-человечески сочувствуют нам, искренне жалеют, что в обыденной жизни нам так и не удалось найти общий язык; да, в такие минуты даже личные твои враги становятся как бы друзьями тебе, ибо телепатия – это прежде всего могучее средство сближения людей, а не их разъединения, – это откровение, рождающее откровения, – и в конечном итоге эта нарастающая волна взаимопониманий не может не облагораживать и обьединять всех нас.

Жаль, что это все имеет место лишь в исключительных случаях, лишь тогда, когда с нами происходит (или мы совершаем) что-то невероятнейшее, связанное по большей части с огромным риском, утратой, и так далее. Возможно во всем этом и есть свое рациональное зерно, предохраняющее, скажем, нервную систему от излишних и постоянных перенапряжений, или мы просто не доросли еще в духовном плане до того, чтобы овладеть телепатией полностью, применяя ее в повседневной жизни. А быть может, люди будущего, которые, несомненно, будут все, до единого, исключительными и цельными натурами, не будут знать «повседневной жизни» в нашем понимании этого словосочетания – их жизнь, каждый их час и каждая минута будут идти на столь высоком уровне, что управляемая телепатическая связь обернется для них обыденной вещью, органично присущей им.

А во что мы превратили бы эти сокровенные каналы связи, если бы вдруг каким-нибудь образом овладели ими! Засорили и загадили эфир всякой телефонной и нетелефонной чушью, праздной многочасовой болтовней, глупейшими хи-хи и ха-ха, анекдотами со всего мира, решениями самых что ни есть банальных проблем, удовлетворением самых что ни есть низких страстей – ведь это какие перспективы! – дающие возможность каждому залезть в душу другому, похозяйничать там, как тебе угодно. Нет, все же трижды права мать-природа, до поры до времени утаивающая от нас свои чудодейственные секреты.

И потому нет ничего удивительного, что очень многие наши опыты при всем нашем сизифовом рвении и тщании, так и не привели ни к чему путному. И до нас еще люди куда более искушенные и осведомленные – поэты, психологи, целые исследовательские институты – занимались этими проблемами; учеными разных стран проводились межконтинентальные опыты по телепатической связи – и тем не менее, по сей день, не смотря на отдельные блестящие

результаты, полной ясности в данном предмете нет, как нет ничего подобного единой теории, объясняющей и объединяющей все эти процессы и явления, хотя на бы на том средневековом уровне, котором, скажем, Библия трактует строение Вселенной. Где уж там говорить о Коперниках, Ньютонах, Эйнштейнах, Хокингах данной области знаний, – они еще, возможно, и не родились; и что говорить в таких случаях о нас, простых смертных, заблудившихся в этих сплошных потемках.

Эффективность наших опытов была мизерной: на сто выстрелов по цели лишь одно более или менее удачное попадание, да и то все это смазывалось теорией вероятности, как чистая случайность, а не закономерный результат. А ведь это были самые первые шаги, и успех должен был сопутствовать нам, как он сопутствует каждому, вне зависимости от его природных способностей, когда тот осваивает азбуку. Это потом перед человеком возникает непреодолимая преграда. Однако, тогда мы не знали обо всем этом, еще не освоив как следует и двух-трех букв алфавита, мы уже занимались самыми дальними многообещающими прогнозами, наивно полагая, что нам удасться пробиться в одиночку сквозь эту тьму, которая стольких поглотила и до нас. Я приведу вам еще одну нашу маленькую удачу – случилось это на одной из наших больших совместных лекций, когда мы с моим другом сидели где-то в задних рядах и незаметно для окружающих проводили опыты. Керим, голова которого уже начинала пухнуть от всего этого, он был в данном вопросе менее терпеливым, так рассердился в душе на мою назойливость, что, видимо, намереваясь вконец порвать со всем этим, нарисовал откровенную, по его мнению чепуху, – ну просто то, что взбрело в его голову – а именно этого ведь мы и добивались! – и когда я глянул в его блокнот, то едва не ахнул от удивления! Он нарисовал что-то вроде ежа, я тут же представил ему схематичный рисунок солнца с густо посаженными, иголками лучиками. Сработало! Ура! Именно такие вот редчайшие удачи поддерживали в нас тлеющий творческий огонь, всякий раз, когда интерес уже падал до отметки «нуль» и даже несколько ниже в ту область, где рождается уже отвращение.

Морская раковина и Заря

Глубоко-глубоко в море
соленом моллюск
мечтал о прекрасных зорях,
о перламутровых.

III

А потом среди нас появился Болот, еще один природный телепат-самородок, такого же пошиба, что и мы, может чуть лучше, – он поддал жару своей увлеченностью, к тому же он был весьма перспективным физиком и подвел вместе с собой солидную физическую базу к этим опытам и методам их регистрации и истолкования. До этого мы изощрялись преимущественно в математике и филология, так как я был студентом матфака, Керим – филологического, и каждый на нас, ясное дело, гнул свою линию: если я оперировал как скальпелем, теорией вероятности, чтобы из случайностей выцеживать крупицы закономерностей, то Керим черпал ценные наблюдения из творений любимых своих писателей, психологов, утонченнейших поэтов «всех времен и народов», приводя те отрывки из них, которые он считал так или иначе связанными с телепатией, даже если сами их авторы не подозревали этого. Я не буду тратить ни свое, ни ваше время, рассказывая, где и как мы с ним познакомились и что он из себя представляет. Сосредоточим лучше все свое внимание на главной теме – на разгадке таинств телепатии, ведь в конце концов, когда это произойдет, мы все сможем узнать все друг о друге; и вы, если только захотите, поговорите с каждым из моих друзей тет-а-тет, а пока, призывая их к себе на помощь и вас тоже, разрешите пойти дальше.

Смутный, неосознанный интерес к телепатии у Болота зародился еще в шестом классе: это была простая детская игра «Угадай-ка», в которую он играл с одноклассниками, когда один ученик загадывает число в уме – от одного до десяти – а другой угадывает. Так вот у многих ребят, по утверждению Болота, попадание в цель было почти что стопроцентным, да и вообще, в том возрасте мысленно представить себе на черном фоне какую-нибудь ярко светящуюся цифру было гораздо проще, – принимающие сигналы, моментально угадывая прямо с открытыми глазами, в шумящем классе. Все это происходило на перемене. С годами же интерес к этой игре полностью пропадает, и это связано прежде все с притуплением телепатических способностей. У детей вообще много подобного рода игр, связанных не столько с мышлением, сколько с угадыванием чужих мыслей. Позже эта способность утрачивается, в старших классах даже когда играешь в эту игру не в галдящий переполненный классе и на перемене, а в отдельной комнате, тебя намного чаще постигает неудача, связанная, по словам Болота, в первую очередь с тем, что сила воображения человека с годами заметно ослабевает. Попробуйте, в течение полуминуты, представлять перед собой светящуюся на темном фоне, какую-нибудь одну, цифру (можете при этом закрыть глаза), – и вы убедитесь, как это нелегко сделать; цифра ваша будет то вспыхивать, то гаснуть, то превращаться в нечто совершенно другое, будто живая; и тому, кто берется «изловить, выудить из вашей головы такую цифру», – прямо скажем, будет очень непросто. В детстве же все обстояло намного проще, и мысль человека от одного к другому передавалась естественно и легко.

И все же редкие удачи подстерегали нас и тут, разумеется, с вычетом всех случайностей и погрешностей. Помнится, как то я перед тем как решительно покончить с такими опытами, и пригласить друзей в кино, а может быть в одну из укромных и уютных чайхан нашего любимейшего Ошского базара, которая известна только нам одним и где подают особенно вкусный вареный горох, я уж не говорю о зеленом чае и о фруктах – о самых сладких сортах персика,

инжира, яблок, винограда, арбуза и многом-многом другом, стекающемся сюда со всей Средней Азии, так вот перед тем, как пригласить их туда развеяться, отдохнуть и подкрепиться (ведь нам надо было еще готовиться к занятиям в институте), в самом конце опыта я почему-то необыкновенно отчетливо представил в уме вспыхнувшую-таки огнем цифру 9. Она горела в моем сознании секунду или две – и Керим, сидящий в полумраке зашторенной комнаты, громко сказал, почти крикнул «девять!», уверенный на все сто процентов в своей правоте. По моему взгляду он понял, что попал в десятку, – и в тот день мы оба чувствовали необыкновенный прилив душевных сил, пережив очередное маленькое потрясение перед великими тайнами мироздания, гуляли до самого позднего вечера, приставали к самым красивым девушкам, каковых в этом городе – великое множество.

Вообще, телепатия и в повседневной нашей жизни играет далеко не последнюю роль, как бы ее волны не были слабы и ничтожны, – и как бы мы ни старались не замечать, когда речь идет о понимании с полуслова. И разве редки бывают подобные случаи в нашей жизни. Это уже почти телепатия, когда одна и та же мысль приходит в головы сразу нескольким молодым людям, сидящим в аудитории. Бывает, начнется какая-нибудь лекция, не успеет пройти и половина ее, – как уж некоторые весьма способные к телепатии ребята начинают посматривать друг на друга, оглядываться по сторонам, ища поддержки и взаимопонимания и непременно находят их, даже если бы некто другой, телепатически чуткий к излучениям первого, находился не рядом с ним, а где-то в другом конце аудитории. Между ними в полной тишине завязывается напряженный безмолвный диалог, типа: «Давай, старина, рванем в кино? Прямо сейчас же, в перерыве? Мочи нет слушать эту муру!» – «А куда?» – «Да хотя бы в «Космос», на дневной боевик! А то вечером, все равно билеты не достать». – «А если староста настучит декану?» – «Пусть только попробует! «Не боюсь, я уже поговорил с ним».

И вот когда наступает перерыв, ребята без лишних слов, как если бы уже обо всем договорились, срываются с лекции. Бывает, еще не успеешь и рта раскрыть, чтобы предложить приятелю, как он то же самое говорит тебе, опережая.

Подобными казусами полна человеческая жизнь, когда ты хочешь сказать кому-то, давай, пойдем туда и туда-то, как тот сам предлагает тебе то же самое, многие наивно думают, что все это случайности, происходящие из сходного образа мысли, склада характера и соответствующих жизненных обстоятельств. Однако это не случайности и не совпадения, а закономерности внушения мыслей друг другу. Кто-то подбросил тебе идею, тебе кажется, что она твоя – и ты делишься ею радостно с тем, кто хочет услышать от тебя желаемое, вот и все. Сколько раз случалось со мной, и другими моими товарищами подобные совпадения! Сколько раз мы уезжали, посреди учебных занятий, куда-то вот так именно, читая мысли друг друга – за город на два-три дня, махнув на все рукой, иногда и на целую неделю, потому что скучно быть все время образцовым студентом, срывались, и баста. Есть во всем этом какая-то особенная прелесть; в то время, как все бегают, суетятся, сдают лабораторные и зачеты, ты уже уехал далеко-далеко, – в гости к бабушке, наслаждаешься первозданной красотой природы, или, сидя в родном доме, уплетаешь за обе щеки бешбармак и много разных вкусных вещей по мелочам, когда весь остальной мир как бы и не существует уже вовсе. И то, что через два-три дня, когда ты возвратишься обратно в город, в институт, и тебя там будет ждать неизбежное наказание, так это все пустяки, кажется тебе, это даже наоборот обостряет все чувства, и твоим глазам предстает в первый же день твоего побега несравненный по красоте закат, который все списывает и оправдывает, «ах, как же правильно я поступил!» восклицаешь ты и любуешься всем этим, будто последний раз в жизни. Кстати, и способность к телепатии, к передаче и приему мыслей на расстоянии резко возрастает в подобные минуты, за что я, черт возьми, так люблю этот феномен, хотя это и дорогое удовольствие. Представьте себе, убежать от декана километров за двести-триста, отключиться полностью от всего; и быть может в тот миг, когда препод, склоняясь над журналом, ищет твою фамилию, чтобы поставить «прогул» – ты, в это

время, взял на мушку какого-нибудь зазевавшего сурка или подсекаешь неосторожную форель, тебе и хорошо, а с другой стороны и крайне тревожно и неспокойно на душе под перекрестным огнем столь разных эмоциональных воздействий, жизнь твоя висит на волоске – именно, это и есть рабочее состояние телепатии, когда десятки раз обостреннее реагируешь на доброе и плохое вокруг, – именно в такой вот момент, крайне сложный для тебя, ты начинаешь явственно видеть негодующих на тебя, посылающих в твой адрес всяческие нехорошие слова, видишь лицо того самого декана или преподавателя по физике, берущего тебя на мушку – и ты убедишься еще, что все это, вплоть до мельчайших деталей, соответствует истине, когда явишься к ним с повинной двумя-тремя днями позже.

Короче говоря, если хочешь быть телепатом, ясновидящим или пророком, ты должен все время ходить по лезвию бритвы, всегда над твоей головой дамокловым мечом должен висеть трагический вопрос «Быть или не быть?» и чем хуже, чем тяжелее тебе будет день ото дня, тем шире, свободней будут раскрываться твои крылья в таинственной области подсознания. Вот такая вот китайская философия является непреложным законом феномена телепатии. Не от этого ли все предсказатели, ясновидящие, пророки божьей милостью всех времен и народов были людьми глубоко несчастными и неустроенными, сами не желая того они приносили свою жизнь в жертву тому дару, который властно требовал того. А ведь самое обидное нельзя никак обмануть этот дар, чтобы как-то умеренно, дозированно страдать и даже не страдать вовсе, страдаешь и чтоб при этом у тебя возбуждались телепатические способности. Увы, подобная хитрость здесь не пройдет, надо платить настоящей кровью: никакой, даже малейшей фальши, притворства телепатия не терпит. Вот и выбирайте, друзья, по своему усмотрению, что лучше: жить нормальной человеческой жизнью, но при этом не видеть дальше своего носа, или, наоборот, видеть все далеко вокруг, но жить бестолково и несчастно в кругу своих близких, раздражая их своей фатальной беспомощностью и невезухой за что бы ты ни брался, исключая телепатию. Абсолютно ясно, что современный человек предпочтет первое второму, и все же, несмотря ни на что, интерес к телепатии подчас перевешивает все остальное – настолько таинственен, завораживающ и могуч прометеев огонь будущего, обещающий человечеству несказанные блага.

В то время мы были уже хорошо осведомлены об экспериментах, подтвердивших реальность передчи мыслей на расстоянии, когда, скажем, отнюдь не экстрасенсы, а обычные люди передают то, что видят своими глазами в окрестностях Нью-Йорка своим коллегам, принимающим эти сигналы за океаном, где-нибудь в Швейцарии, сидящим в зашторенной комнате какого-то тихого особняка. А успешная телепатическая связь между индуктором, находящимся на дне океана, в подводной лодке, с приемником на берегу – в сотнях и сотнях миль от первого, доказывающая, что для телепатических волн вода не является преградой. В то время еще всякого рода экстрасенсы и предсказатели не были в такой моде как теперь, но мы уже тогда жили предчувствием близящейся эры самого пристального внимания общественности к необычным, экстраординарным, порой сверхъестественным способностям человека. И хотя мы не имели возможности принять участие в международных экспериментах по парапсихологии, чтобы себя самого с превеликим удовольствием предложить в качестве подопытных кроликов, передавая мысли на расстояния, готовые опуститься на батискафе на дно океана или даже взобраться на Эверест, и таким образом, удостоиться чести попасть в книгу Гиннесса за телепатическую между самой высокой и самой глубокой точками Земной коры, – не имея всех этих сказочных возможностей, мы тем не менее упорно совершенствовались в своих опытах, запертые в стенах, радуясь каждому, пусть даже и самому маленькому, успеху так бурно, как если бы каждый раз при этом нами открывалась Америка.

К слову сказать, Ош, несомненно, один из самых подходящих для проведения телепатических межконтинентальных экспериментов мест на Земном шаре, так как его нельзя спутать ни с одним городом на планете – главным образом, благодаря этой исполинской Сулейман-горе

на его оживленном центре и древнему базару. Одного взгляда на нее достаточно, чтобы оценить не только ее превосходные экранирующие, фокусирующие, ретрансляционные и прочие физические качества, но и то, что эта гора, как объект поклонения сотен тысяч людей, сама по себе является своеобразным источником мощных телепатических волн.

Широкоформатный сигнал

Тайный сигнал
как кинжал,
убивающий нас наповал.
Облаченный полномочиями
передачи в первую очередь,
летящий как скорая помощь,
как машина пожарная,
для которых нет правил дорожных,
как срочная телеграмма
о том, что ничего уже
изменить невозможно.
О да есть глубинная телепатия
всему живому доступная и понятная,
когда поздно что-то уже делать и идти на попятный.
Так перед землетрясением
люди, звери и птицы становятся как братья
и так перед концом света
ангелы и демоны, живые и давно умершие души
предстанут как дети перед Вечносущим,
от сигнала пробужденные
самого всесильного,
самого широкополосного
и широкоформатного,
понятного не только каждой твари,
но и всем объектам в природе,
перебивающий все прочие частоты и вибрации,
от которого, как пророчат святые писания,
будут свернуты небеса
и расплавятся горы.

IY

Одним из самых захватывающих по своей сути экспериментов для нас был следующий опыт. Как известно, некоторые люди по своей природе бывают более восприимчивы ко всякого рода психологическим воздействиям и влияниям, короче говоря, среди нас всегда имеется особый сорт «размазней», которые сами не знают, чего хотят и которыми всегда можно помыкать по своему усмотрению. И есть люди, склонные тоже в силу каких-то природных данных управлять другими. И если вот такой сильный человек встретится со слабым и начнет экспериментировать, возиться и копаться с ним – как нашедший золотоносную жилу, – то можно наблюдать самые удивительные вещи и явления. Оказывается, чувствительному человеку можно внушить на расстоянии какую угодно мысль, приказать ему сделать то-то и то-то, – например, прийти домой к тому, кто внушает такую мысль в определенный день и определенный час. Для этого экспериментатор напрягает свои мысли и внимание, сосредотачивается, представляет себе, как его пациент идет к нему в строго указанный час или выполняет какое-нибудь другое его поручение, передаваемое мысленно, на расстоянии, и прекращает это делать, когда у него появляется внутренняя уверенность, что сигнал дошел до пациента,

что он запрограммирован на выполнение его приказа. И действительно, проходит день-другой, а может быть неделя и даже месяц, но в строго указанный час пациент, не сознавая того сам, выполняет то, что было ему приказано, например, является в дом к экспериментатору-психологу, смущенно здороваясь с ним при встрече. Когда психолог, ответив на его приветствие, спрашивает его, с какой целью он пришел, что ему, мол, надо от него – тот даже и не знает, что ответить, пожимает неловко плечами, извиняется за свой визит, и наконец, выговаривает с большим трудом, что «просто хотел (хотела) видеть вас… что сам (сама) не знаю, как это произошло», – и все в этом роде. Нетрудно представить, какие перспективы сулит этот опыт в будущем, когда его теория и практика детально будут изучены и разработаны. Без всякого телефонного звонка можно будет вызвать кого угодно к себе в точно назначенный час или приказать что-то совершить на расстоянии. Человек, которого вы желаете видеть, сам появляется перед вами, не отдавая себе в том отчета. Конечно, если только он не предупрежден о том, что вы проводите над ним эксперимент. В этом смысле телепатия представляется чем-то вроде гипноза на расстоянии.

Но что такое гипнотизер в сравнении с телепатом? Первый мне представляется воплощением грубости и чрезмерной самоуверенности.

Ну что хорошего в том, чтобы запугать до смерти какого-нибудь добродушного рыхлого увальня или хрупкую некрасивую девушку, заставить бегать, прыгать на сцене и совершать прочие нелепости? Хотя это подчас очень впечатляет, когда человек в состоянии гипноза становится физически сильнее, чем он есть на самом деле, поднимает, например, шкаф, делает мостик и держит при этом самого гипнотизера, усевшегося на его живот. Телепату и в голову не придет внушить на расстоянии своему подопытному совершить нечто подобное на расстоянии. Если настоящий гипнотизер – это бог с очень сильными, но короткими руками, то телепат представляется мне божественным совершенством, взывающим на расстоянии лишь к самому сокровенному и дорогому, что есть в человеке, где для достижения чуда нужен прежде всего диалог, взаимное согласие двух сердец, их тонкое взаимопонимание, нужна самая высокая чистота помыслов, их увлекающая в небеса сила; тогда как для успеха гипнотизера нужен лишь быстро запугиваемый и подавляемый одним взглядом субъект. Гипноз по сути – триумф психической силы, тогда как телепатия – торжество любви, победно прорывающейся сквозь безоглядные пространства

Ну вот, друзья, мы можем и поздравить друг друга с самим главным и наиважнейшим открытием нашего повествования с возможностью, благодаря телепатии, запрограммировать встречу с нужным тебе человеком. А если овладеть секретами и телепатии, и гипноза, то можно будет не только вызвать нужного тебе человека, но и сделать так, чтобы он, уже находясь рядом с тобой, подчинился тебе во всем, полюбил тебя. Почему бы и нет? С теоретической точки зрения здесь нет ничего невозможного, и любовь – одно из самых внушаемых человеческих чувств. Кстати, помнится мне, на первом курсе, когда в актовом зале перед собравшимися выступал какой-то заезжий гипнотизер-делец, содравший по три рубля с каждого, так вот он так и сказал, обращаясь ко всему залу: «Если я захочу, сидящие в этом зале самые красивые девушки непременно полюбят меня. Если не верите, прошу красавиц выйти сюда, на сцену».

Да, перепугался тогда порядком весь зал, ведь очень многие ребята пришли туда с девушками, и кто же из них захотел бы терять их расположение и даже любовь к себе. Не дай бог, произошла бы еще какая-нибудь неприятность, потому как если наши девушки и впечатлительны, и можно им вскружить головы, зато и парни заметно ревнивее своих европейских сверстников, хотя и не так как в типичных мусульманских странах Востока, где человек готов зарезать другого за один лишь взгляд на его женщину. У нас, конечно же, мужчины более мягкие, но все-таки…

К счастью, все обошлось и зал облегченно вздохнул: ошские девушки ведь большие скромницы – и правда кто из них в самом деле посчитала бы себя самой красивой, чтобы выйти

на сцену – естественно, никто не вышел, да и их парни пришли на помощь, проявив восточную дипломатию, дав понять гипнотизеру: «Верим, верим вам охотно, агай, – только не делайте этого».

И гипнотизер сжалился над нами, не стал влюблять наших девушек в себя. Не исключено, что он всего-навсего разыгрывал с нами шутку, но как бы там ни было, лучше уж держаться от них подальше. Можно, конечно, и шкаф на спину взвалить и шпагат выполнить, когда тебе уже за сорок, а особо чувствительные натуры, прикажи им гипнотизер «лети» тут же и полетели бы над залом, – все это бы ничего, можно стерпеть, ну а что, если человек близкий тебе, который еще за час до этого с симпатией относился к тебе – как вдруг, в одночасье, изменится, что-то там совершит над ним таинственное гипнотизер, внесет какую-то маленькую поправку в подсознание, и ты уже, оказывается, потерял друга или любимую. Нет, с такими вещами не шутят и лучше самому надо постараться в совершенстве овладеть искусством гипноза и телепатии, чтобы отстоять свое право на этом свете, не бояться никого и ничего. В связи с этим общество будущего мне начинает представляться обществом сплошных экстрасенсов, телепатов и гипнотизеров и где, по этой причине, никто и никогда не сможет помыкать никем против его воли. Кстати, гипнотизеры, если вы обратили внимание, выступают как правило перед физически и духовно ослабленной аудиторией: студентами, живущими на одну стипендию; работниками НИИ и проектных организаций, составленных по большей части из достаточно впечатлительных женщин; мелкими служащими государственных учреждений, не совсем удовлетворенными своей жизнью и служебным положением. Что-то я никогда не слышал, чтобы гипнотизер выступал перед чабанами, поголовно влюбленными в улак и в другие национальные игры, когда они ближе к зиме собираются в одном месте и устраивают свои рыцарские турниры при огромном скоплении народа. Они, конечно, по простоте душевной, и могут уважить гостя, если надо поднять не только шкаф, но и что-то тяжелее, – но только о внушении в данном случае и речи быть не может. Матерьял не тот, непробиваемый совершенно, хотя по-человечески добрый и уступчивый.

Но оставим их всех с их баранами, сейчас нас интересует только вопрос: как научиться с помощью одного умственного воздействия на другого управлять им, приказывать ему что-то совершить? Раз психологам это удается, почему бы не попробовать и нам на нашем обычном, среднестатистическом уровне? Велик был соблазн в возможности дистанционного управления для молодых людей в возрасте чуть больше восемнадцати лет. Вспомните «Человека невидимку» Герберта Уэльса? Человек, ставший невидимкой, – царь среди всех людей, он так же всесилен и непобедим, как зрячий среди слепых. А ведь нечто подобное тому, что описано в этом романе, мог бы совершить какой-нибудь гениальный телепат, подобно опытному шахматисту, научившись на расстоянии управлять другими людьми, их мыслями и чувствами, разыгрывая свои многоходовые комбинации. Такой ясновидящий и яснослышащий также будет чувствовать себя как царь и бог, находясь среди поголовно глухих и слепых, готовых исполнять его волю.

Но тогда наши мысли были очень далеки от возможностей покорения мира и утверждения тоталитарных режимов и всего прочего, на чем, как известно, прогорел Гриффитс – нет, все это нас не интересовало, в фокусе нашего телепатического внимание было нечто совершенно другое – внимание хорошеньких девушек, особенно тех из них, которые были для каждого из разряда недоступных. Как мы только не усердствовали в этих своих экспериментах! Как только не заманивали их в свои расставленные сети! Как только не умоляли, не упрашивали их, разумеется, мысленно, телепатически) явиться в указанное время в такое-то место, внушали им, что так надо, приказывали неукоснительным тоном, без конца представляли себе, – пока сами не начинали верить, как это все будет происходить, что так оно и будет наяву, что все это неизбежно. Это и значит, что сигнал дошел до адресата и остается только ждать результатов. Подобные опыты, наверное, проводились в юности и вы, если интересовались телепатией или

просто очень сильно любили кого-то. Сейчас, мне кажется, все наши тогдашние неудачи были вполне обоснованными, мы с самого начала неверно ставили эксперименты, выбирая в качестве материала, объекта воздействия всегда все самое неподатливое, – ибо есть ли этом свете что-либо более неподатливое, чем красивая, знающая себе цену и совершенно не знающая вас девушка, которой сразу же пытаетесь внушить ни много ни мало как любовь с первого взгляда?

Помнится, Керим на наших глазах проводил нечто подобное, за два дня до этого познакомившись с некоей очень красивой особой, произведшей на него весьма сильное впечатление, который никогда не позволял себе витать в облаках, предпочитая всегда видеть вещи и явления таковыми, какие они есть. Но тогда что-то случилось с ним, и он не на шутку потерял голову, ударившись в телепатический транс, – представьте себе, целых два часа нашептывал в полуотключённом состоянии, что девушка обязательно придет на свидание с ним, завтра же, в 3 часа – к центральному автовокзалу, не может не прийти, да-да, будет ждать его там, его дальнейших указаний, с милой улыбкой, облокотившись о металлический парапет, окружающий квадратом центральный вход.

Вы понимаете, о чем я говорю? Он, Керим, назначал свидание девушке, о которой не знал ничего: ни ее домашнего адреса, ни родных, ни увлечений, пристрастий, и прочего. Вот так, с бухты-барахты, призвал на помощь телепатию – и уже метит чуть ли ни в женихи. А девушка совсем не знает его. Просто обмолвились где-то парою фраз, а может и не разговаривали даже, хотя нет, Керим, как правило, не упускает таких возможностей, если девушка на него посмотрит, он почти обязательно заговорит с ней. Ну, в общем, как бы там ни было, но после двухчасового сеанса мой друг достаточно отчетливо представил себе, как его прекрасная незнакомка будет назавтра ждать его у вокзала, вбил себе в голову это, поверил внутренне всеми клетками своего тела и всеми фибрами своей души, что так оно и будет – не имеет права не быть.

Ладно, поверили мы ему все и решили завтра втроем отправиться на вокзал к назначенному часу, уж больно сильно что-то уверовал Керим в успех своей авантюры на подсознательном уровне.

И представьте себе, девушка явилась на вокзал в точно указанное время, но… была в сопровождении своего парня, – суда по всему вовсе и не думая не только менять его на Керима, но даже и не обратив на последнего никакого внимания. Она была в отличном настроении, оживленно беседовала с ним, смеялась чему-то своему, кокетничала, прижималась к нему ласково, демонстрируя свою смелость, похвальную и не совсем обычную для южных наших представительниц прекрасного пола, и, наоборот, шутливо отталкивала его от себя. А парень вроде был так себе, ни рыба, ни мясо, куда ему до Керима, однако девушка выбрала его, и тут уж ничего не поделаешь.

Грустно смотрели мы им, удаляющимся, вслед, они, кажется, уехали в Толейкен, во всяком случае в ту сторону, – успокаивая Керима, от которого упорхнула его пташка. А кажется, все было сделано, и произошло невероятное – встреча состоялась, выпал один шанс на миллион, но это, тем не менее, была случайность, не имеющая никакого отношения ни к телепатии. Подобные эксперименты проводили все мы в те годы, но ни у кого из нас ничего не получалось: сколько бы мы ни внушали, сколько бы ни уговаривали и ни увещевали, чем бы ни зазывали и не прельщали, какими бы иллюзиями надеждами себя ни тешили – девушки не шли, и все тут.

Сейчас же, когда я заново переживаю то, что произошло с Керимом, мне кажется, эксперимент его в каком-то смысле удался. Эта встреча не была случайностью, скорее всего у Керима произошел спонтанный телепатический контакт с вышеупомянутой очаровательной незнакомкой в самом начале эксперимента, когда он решил назначить ей встречу «назавтра, в районе вокзала». А то, что потом он, в течение двух часов, шептал про это уже было постфактум, напрасно потерянным временем, так как вовсе не он был передатчиком, индуктором, а девушка силой своего обаяния должно быть внушила ему издали, что назавтра в 3 часа дня будет на вокзале, разумеется, не подозревая обо всем этом, – словом, очевидно, что Керим прочитал на рас-

стоянии ее мысли, и может быть вполне доволен этим, как исследователь телепатии, тогда как нам в этом плане и вспомнить нечего, кроме сплошных неудач. Если девушки и приходили к нам, на свидание, то совсем не тогда, когда мы их звали и совершенно не те, которых мы звали, телепатия как будто издевалась над нами, сбивая нас с толку нарочно: когда мы начинали верить в нее, она, казалось, делала все, чтобы разуверить нас; и наоборот, когда мы готовы были махнуть на нее рукой и больше никогда не ломать себе голову ее секретами, она озаряла нас внезапно и бурно, вдохновляя нас против воли.

Лишь много позже мы поняли, что тут нужны не только энергия, настойчивость, воля, но и особого рода отчаянный и даже отчаявшийся талант. Словом, эту дорогу осилит не идущий по ней, а рискнувший пойти на это, способный удержать равновесие на всем отрезке пути, совершить то, что удается канатоходцам. Таких способностей и наклонностей ни у меня, ни у Болота, ни у Керима не было, кто-то был раскованней, кто-то рискованней, кто-то усидчивей остальных, но, чтобы вот так все вместе и сверх того еще громадный талант – этого не было, и мы, естественно, стали уставать от своего тайного хобби, несмотря на всю его притягательность и будущность. И это было закономерностью. Не валять же в самом деле всю жизнь дурака? Нет слов, передача мыслей на расстоянии – захватывающая по своей сути вещь, но если ты ни бум-бум, совершенный бездарь, чего ради, скажи, корчиться от непосильной ноши? Да, мы стали забывать телепатию, как забываем мы, взрослея душой и телом, многое другое, не оправдавшееся и несбывшееся из того райского цветника надежд, благоухающего в юности в груди у каждого, и, наверное, мы больше никогда не вернулись бы к этому предмету, стали бы более спокойными и разумными, учились бы видеть и понимать в жизни явления гораздо более прозаичные и распространенные, чем телепатия, которые не требуют для своего усвоения каких-то особых способностей, а только прилежания, но от которых также очень многое зависит в нашей судьбе – да, все шло к этому, к решающей все и основополагающей прозе бытия, и вскоре о феномене телепатии мы даже и не вспоминали бы (а если и вспоминали, то лишь в сугубо практических целях, демонстрируя свой кругозор там, где это надо), если бы вдруг среди нас не появился некто Джолчубай.

Антидарвинизм любви

И зоркий орел,
в небе кружащий,
и быстроногий гепард,
антилопам грозящий,
и стремительный сокол,
и зубастый волк, и обыкновенный кот, и медведь,
и соболь – всех этих птиц и зверей
чемпионский парад
преподносят мне мудрый урок —
никогда не ставь перед собой
недостижимых целей, брат.
Не бросится гордый орел
на оленя неординарного,
и гепард не прельстится
рекордсменом-джейраном,
и сокол среди голубей
высматривает тех, кто слабей,
и волк никогда
не полезет быку на рога.
И только лишь поэт
никак не усвоит принцип разумной достаточности.
Во всем норовя изловить, догнать и поймать
самое быстрое, самое неуловимое
и самое несбыточно-сказочное.
Вот такой вот антидарвинизм,
присущ тому, кто в поэзии видит смысл и жизнь.

V

Кто он собственно такой? Что из себя представляет? Да ничего особенного, на первый взгляд. Типичный парень с горного аила, еще вчера, быть может, погоняющий лошадей на водопой, широкоплечий и широколицый с отменно здоровым чабанским цветом лица, с чертами его довольно грубыми: крупноватые губы, нос, несколько выпуклые глаза зеленоватого оттенка, волосы светлые, слегка волнистые, ниспадающие до плеч. Словом, он был из разряда тех киргизов, которых с детства у нас кличут рыжими, как бы они не загорали, всегда легко узнаются природной белизной своей кожи, светлыми – не обязательно рыжими – волосами и такими же неопределенно светлыми радужками глаз. У вас, наверное, сложилось впечатление, что внешность его производит отталкивающее впечатление из-за моего неумения живописать словами. Но это не так. Он грубовато сложен, но эта его грубоватость здорово отдает гармонией – такое впечатление, что создатель, задумав вылепить совершенного киргизского Аполлона, но на самой последней стадии работы, когда следовало работать более тщательно, обточить детали, подвести брови, глаза, нос и довершить другие тонкости, он почему-то забросил свою работу и явился на свет Джолчубай. Гармоничный и несовершенный, прекрасный и некрасивый, грубоватый внешне, но очень тонко сработанный внутренне. Видимо бог, созда-

вая киргиза, сам стал в какой-то степени киргизом, не доводя свою работу до конца, а может он просто решил, что и без того Джолчубай вознагражден в достаточной степени.

Да, это был самый талантливый человек, который когда-либо нам встречался. Мы оценили его с самого первого дня знакомства с ним и даже чуть ранее, встречая его в коридорах, во время перерывов. Несмотря на свою марсианско-чабанскую внешность, он был очень мягок и корректен со всеми, – все это, вместе с его несколько выпуклыми глазами, когда он шел, озираясь по сторонам, создавали обманчивое впечатление, что он робок, как заяц. На самом же деле он был смел, как лев, и силен, как слон, даже если он и боялся кого, то разве что себя самого, ведь такой человек должен поневоле быть предельно осторожен, живя среди таких пигмеев, как мы. До знакомства с ним мы все думали, что что-то значим сами по себе, но вот он появился и все стало на свои места. Самое странное и страшное для нас было то, что Джолчубай был силен, казалось, абсолютно во всех областях. Вот уж поистине, если бог дает, то дает самой полной мерою.

Его способности быстрее всего проявились в точных науках, математика, сильнее, «врубчивее» чем он, не было никого по всему институту, не только среди студентов, но и, наверное, – среди самих преподавателей. Он был победителем республиканской олимпиады по математике и зачислен в институт без экзаменов. Но и по другим предметам: физике, химии, истории, философии, литературе, политэкономии, он быстро завоевывал доверие и уважение преподавателей именно в силу своих способностей к изучению данного предмета. Все считали, что из него выйдет отличный математик, биолог, экономист, литературовед – каждый тянул в свою сторону, и Джолчубай по чабанской своей простоте давал им такую надежду, он не хотел никого из них обижать, если верят в него – почему бы не оправдать этой веры? Он хотел угодить всем, и это ему удавалось, но способности явно выходили за те обширные рамки, которые называются университетским образованием. Я здесь не говорю о том, что уже на первом курсе на одном из занятий по физической культуре Джолчубай стал фактически мастером спорта, положив на лопатки опытного борца-вольника, студента третьего курса нашего института; не говорю и о том, что он пишет стихи, как и все в нем, поражающие своей оригинальностью, что у него превосходный музыкальный слух, – все это мы сочтем данном случае мелочами. Но об одной из его способностей надо все же сказать более определенно, а именно: Джолчубай оказался одаренным и по части телепатии. Но об этом вначале ни мы, ни он сам не подозревали, для нас он тогда был просто математиком, незаурядной личностью в институте, которого привел нашу компанию Керим, знавший его близко еще с сельхозработ на первом курсе. А кроме того, он был его земляком, хорошо знал аил, в котором родился и вырос Джолчубай, хотя никогда с ним не встречался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.